

КОШМАРНЫЕ ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ



Радослав Будкевич

e-bookowo.pl
wydawnictwo internetowe

Радослав Будкевич

КОШМАРНЫЕ ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

права предоставлены компанией Radosław Budkiewicz & e-bookowo

Издатель: Интернет-издательство e-bookowo

www.e-bookowo.pl

Контактная информация: wydawnictwo@e-bookowo.pl

ISBN 978-83-8166-239-0

Все права защищены.

Частичное или полное воспроизведение и распространение
без разрешения издателя запрещены

Издание I 2021

Дл тебя, nana.

Глава 1

Солнце наконец–то зашло. Небо долгое время мерцало оттенками розового, постепенно темнея, чтобы в конце стать насыщенного, холодного фиолетового цвета. Несмотря на то, что дневной свет угасал, а до наступления ночи еще оставалось немного времени, густые облака производили впечатление более позднего часа, чем был на самом деле. Для большинства людей и животных это означало подготовку ко сну и заслуженному отдыху.

Для большинства.

Немногие – и люди, и дичь – только начинали свою охоту.

Мощные, густые облака покрыли значительную часть неба, и где–то в отдалении можно было услышать басовый шум постоянно приближающейся бури. Это сопровождалось кашлем старого, использовавшегося пикапа марки Форд, который ехал неторопливо по обочине дороги, прорезая глубокие колеи на гравийной дороге. Желтый, слабый свет, исходящий от фар, затопил ближайший пейзаж.

Бостон начал пустеть. Улицы и переулки стали пустыми, превратившись в убежище для бездомных мужчин и женщин, спешащих домой или зачастую на нелегальную работу. Автомобили были редкостью; старый пикап, модель, которая до сих пор помнит времена Великой войны, был одним из двух автомобилей в этом районе. Другая из них – уже классическая модель Т, скользила в обратном направлении на низкой скорости. Когда автомобиль проехал, лужи мягко хлынули водой.

Мужчина, сидящий за рулем пикапа, нервно постучал пальцами по ободку и тяжело вдыхал самодельную сигарету, самокрутку; в вечерних сумерках трудно было сказать, как он выглядел. Определенно, у него было красноватое лицо, покрытое редкой, но тронутой сединой щетиной, и старый потрепанный картуз, низко надвинутый на лоб. Толстый свитер был натянут под самый подбородок, защищая своего владельца от весеннего холода.

Рядом с ним, на центральном сидении, расположился гораздо более молодой и худой очкастый мужчина с тонкими усами, запущенными для того, чтобы походить на Чаплина, и волосами, зачесанными назад. Мужчина нервно мял шапку в руках, стараясь не поддаваться стрессу и напряжению. Несмотря на слабый свет, было прекрасно видно, что он находится здесь, потому что должен, и что он не чувствует себя уверенно. Его полной противоположностью был третий из мужчин.

Ибо он, спящий у бокового окна, с картузом, надвинутым на лицо, был коренастый, мощного строения джентльмен в рабочей форме, с руками, как ломтики хлеба, грязными от жира, и щеками, покрытыми тенью бороды. Волосы у него были короткие и темные, по крайней мере, так выглядели одинокие пряди, выскользнувшие из-под шапки. От него пахло потом, рыбой и жиром, и кроме того, он храпел.

Первые капли весеннего дождя упали на лобовое стекло пикапа.

Немногочисленные прохожие Бостона, почувствовав холодную воду на лице, ускорили шаг, избегая брызг воды из луж. Для троих в автомобиле дождь был особенно плохим знаком. Водитель причмокнул, жуя самокрутку и нажал на педаль акселератора. Автомобиль кашлянул раз, другой и начал разгоняться.

– Черт возьми, мы не успеем перед грозой. Земля промокнет!

– Копать будет легче – пробормотал сонный, испачканный в жиру, человек. Он пошевелился, потянулся. Либо он неглубоко спал, либо звуки приближающейся грозы разбудили его. Молодой человек молчал, не будучи уверенным, что хочет принять участие в этом разговоре. В конце концов он снял с носа очки, чтобы потереть глаза и выиграть время.

– Жопа, ничуть не легче – ворчал водитель. – Ты когда-нибудь копал во влажной земле? Грязь по лодыжкам с самого начала, а потом только хуже!

– Я копал не один раз, потому что они сказали. Как так получилось, что этот ирландский ублюдок до сих пор все еще управляет портом...

– Что, Рейли сказал? Клянусь Богом, мне жаль.

– В любом случае, у нас есть сопляк для грязной работы, ты сам его нашел, Стив.

– Я? Я что? – очкарик, поспешно надев очки. Он посмотрел на своих старших товарищей с легкой тревогой, понимая, что самая худшая и тяжелая работа свалится именно на него.

– Ты, я и Адриен – сказал водитель, игнорируя молодого человека. – Копать в грязи это кошмар, но мы не делаем это бесплатно. Мы делим поровну, одну треть.

– Ну, за такие деньги можно жить как король. Не так, как раньше, много работы и несколько баксов. Ты, сопляк, проверь, кто подход в прошлый раз, может, будет новенький. – Сопляк для грязной работы, Адриен, покопался под сиденьем и вытащил мятую, немного порванную газету. Очкарик что-то пробурчал себе под нос, поправил очки и пролистал «Бостонского курьера» в поисках последних некрологов.

Сумерки – вернее, темнота, потому что чем дальше от центра Бостона, тем меньше было уличных фонарей, – не способствовала чтению крошечных букв. Младший из троих прищурился и поднес бумагу к лицу. Он потратил на это несколько минут, в течение которых фургон притормозил и остановился на обочине, заросшей высокими тополями и березами. Когда двигатель заглох, зловещий грохот бури стал еще громче. Дождь тоже усилился.

– Хмм... Джессап Клейтон Остиг, шестьдесят пять лет, и Саманта Тереза Эрвин, сорок два года, – наконец-то заговорил «юноша», оторвав лицо от газеты. – Только эти двое были недавно похоронены в Эвергрине, мистер Коллинз, – поспешно добавил он, без нужды оправдываясь перед рабочим.

– И наверняка полдюжины других, безымянных, бездомных, безнадежных. Именно они интересуют нас в первую очередь, малыш, – добавил Стив, водитель, жующий самокрутку и выглядывающий в окна припаркованного пикапа. Удовлетворенный пустотой и тишиной, он улыбнулся.

– Но профессор платит больше за свежие! – воскликнул полностью уже проснувшийся Адриен, поправляя картуз и потянувшись к дверной ручке. Он первый вышел из фургона и сразу же отправился к задней части, где достал большой джутовый мешок и с легкостью забросил его на спину. Металлические и деревянные инструменты задребезжали.

– Он платит, но мы должны быть осторожны – продолжал водитель, хлопая за собой дверью. – Никто не будет скучать по бездомному, душа вернулась к Богу, но тело остается с нами, запомни эти слова, Боб. – Он поправил свой картуз, глядя на темное небо и закатывающиеся облака, а потом сплюнул на землю. Маленькие лужицы сверкали в тусклом свете, их поверхность вибрировала от каждой последующей капли дождя.

Молодой человек в очках был последним, кто покинул автомобиль. Нерешительно, как будто со страхом. Он подышал на руки, желая согреть их перед предстоящей работой, и достал из пикапа лопату, ломик и кирку. Он кряхтел, пытаясь держать все в руках, но как только он сделал несколько шагов, инструменты упали на мокрую землю с громким грохотом.

– Черт возьми! – прозвучал дрожащий голос. Он наклонился вниз, чтобы собрать упавшие инструменты, как вдруг мягкий, но дрожащий свет затопил пространство вокруг него. Очкарик с тревогой посмотрел на разгоряченное лицо водителя, высоко поднявшего штормовой фонарь. Очкарик с тревогой посмотрел на разгоряченное лицо водителя, высоко поднявшего штормовую лампу. Тот только покачал головой,

оглядываясь вокруг. Было пусто и тихо. Кладбище было обнесено невысокой стеной из мелкого кирпича и камня, поросшей плющом и сорняками; все это венчали мощные кованые ворота.

Однако тут не было ни украшений, ни ангелов, ни крестов, ни святых—причина в том, что здесь хоронили людей не столько каждой веры и каждого вероисповедания, сколько, прежде всего, не имеющих близких и стоящих на нижних ступенях социальной лестницы. Конечно, попадались и из высшего общества, но они были редкостью. Адриен постоял некоторое время у ворот, размышляя, сумеет ли он разбить цепь и навесной замок.

В конце концов он сплюнул через плечо и двинулся вдоль стены, направляясь к небольшому возвышению. Стена там была чуть ниже, но надо было смотреть под ноги и следить за корнями, разбросанными камнями и грязью. Дождь все еще шел размеренно, но нужно было иметь в виду, что это может быстро измениться. Трое грабителей должны были, как можно скорее, попасть на территорию кладбища.

Восхождение по склону было нелегким, но оно также не представляло собой непреодолимое препятствие; больше всего трудностей доставлял багаж. Достичь стены, приправляя это все проклятиями, хрипами и слюной, заняло, может быть, чуть больше четверти часа. Столько же времени потребовалось, чтобы преодолеть саму стену и перенести все оборудование.

— Я уже слишком стар для этого— простонал водитель, опускаясь на колени, будучи последним из трех, кто добрался до кладбища. В этой старой части некрополя можно было найти наибольшее количество гробниц и частных погребальных часовен, датируемых прошлым, девятнадцатым веком. И хотя большинство из них были в плачевном состоянии — трещины стен, треснутые ступеньки, поврежденные скульптуры, полустертые надписи, ржавые ободки и так далее — создавалось стойкое впечатление, что они имеют дело с историей.

Стив, который, несомненно, был самым верующий из всех, перекрестился и произнес короткую молитву. Остальные неохотно повторили его жесты и собрали свое снаряжение, переходя к более новому участку, где были похоронены бедные и забытые. Пройдя несколько метров, грабители почувствовали себя увереннее; никто не мог разглядеть их с дороги. Сторож, охранявший кладбище, скорее всего, сидел в своей комнатке и пил за здоровье Волстеда, поглядывая на грозовые тучи.

Для преступников наступила идеальная пора.

Стемнело, вот–вот начнется настоящий ливень, и раскидистые вековые клены, пихты и ели заглушали блики штормовой лампы. Иголки этих деревьев, лежащие на земле довольно толстым слоем, вкупе с очередными каплями дождя приглушали шаги мужчин. Когда загремело, уже было очевидно, что их никто не услышит и не заметит.

Большинство аллей не были узкими, но и широкими их тоже нельзя было назвать. В самый раз, чтобы подогнать телегу, запряженную лошадьми для перевозки гроба или гробов. Достаточно было дойти до главной аллеи и идти вдоль колеи и следов копыт, чтобы добраться до цели, однако грязь немилосердно облепляла сапоги и мешала шагать.

– Ну, пацан за работу – тихо сказал Адриен, бросая мешок с инструментами на мокрую землю, избегая первых образовавшихся луж. Через мгновение он отобрал у очкарика часть снаряжения и, немного оглядев шеренгу могил, воткнул лопату в землю.

– Только не здесь, ради Бога – поправил его Стив, сняв картуз и вытерев потный лоб.
– Он умер до Рождества Христова, черви его уже едят. На этот раз профессор не платит нам за съеденный труп. Там копаем мы, сначала девушка, потом мальчик. – Он указал сначала на простую табличку с приблизительной датой смерти, а затем на курган на другом конце аллеи.

– Откуда ты вообще его знаешь? Этого профессора? – Адриен что–то буркнул под нос, и через мгновение все работали быстро и эффективно, как будто выкапывание гробов и ограбление тел было для них, может быть, не нормой, но, к ужасу, чем-то обычным.

– Помнишь, как зимой мы работали для Шона? – Стив ответил, быстро отбрасывая землю. – Ну, знаешь, тот от Либби Мюррей?

– Ну, Либби, я помню. Моя промежность все еще жжет.

– Шон несколько раз упоминал, что грядут перемены, что так и сяк, что Бог сам сойдет с неба для таких людей, как мы. Все такое, деньги будут течь рекой, как Чарльз, а потом он назначил мне встречу, и все. Как-то так,– заключил он, вбивая в лопату в землю и вытирая пот со лба.

– Как-то так,– повторил Коллинз, не прерывая работы. Это звучало разумно, в криминальном бизнесе так все и делалось. Через знакомство. Через команду. Так называемое сарафанное радио. Очкарик молчал, прислушиваясь к разговору, становясь все бледнее и бледнее. Не так он представлял себе нелегальную работу.

Почти полчаса спустя лопаты ударили по дешевым сосновым доскам. Все трое, потные и усталые, как нелюди, сделали перерыв; они рисковали, но выполняли работу довольно исправно и быстро. Они подняли лица к небу, позволяя холодному дождю очистить кожу

от пота и пятен земли. Адриен полез в сумку и вытащил бутылку из-под молока, полную янтарной жидкости.

– Давай, я знаю ниггера, который торгует самогоном, ему можно доверять – в подтверждение этих слов он опрокинул бутылку и отпил большой глоток. Он поморщился и протянул бутылку следующему. Очкарик нехотя принял спиртное, немного сглотнул, морщась и давясь. Алкоголь был очень крепкий, горький, маслянистый, со странным металлическим привкусом, но свою задачу он выполнял. Остальные двое громко рассмеялись при виде захлебывающегося молодого парня.

– Ладно, хватит, давай вытащим покойничка и займемся тем неудачником, пока еще терпимо – подытожил водитель, вытирая губы, когда пришла его очередь. Первый тоже встал и прыгнул вниз, с ломом в одной руке и молотком в другой. Он еще раз перекрестился, достал из кармана четки и провел пальцем по бусинам. Затем спрятал их и с готовностью просунул металлический сплюснутый прут между досками.

Он постучал раз и другой молотком по другому концу. Треснуло дерево. Затем гвозди вытащили силой, крышка рухнула, и со стен ямы упало немного земли и грязи, так как дождь становился сильнее – короткий перерыв имел катастрофические последствия.

Молодой боролся с древесиной с другой стороны, то и дело поглядывая на опытного товарища. Последний из троих караулил с лампой в руке, освещая дыру в земле своим спутникам. Его зрение было приучено к темноте и нечасто подвергалось яркому свету, он мог без труда высматривать сторожа или других, подобных им „предпринимателей”. Он хорошо с этим справлялся. Он даже не обратил внимания, что треск дерева и хруст падающей земли быстро прекратились.

Шум падающего дождя и переменное ворчание грозы составляли соответствующий мрачный фон этой сцены; можно было подумать, что все это – часть большого воображения какого-то чопорного создателя. И это было недалеко от истины.

– Святая Мария и Иосиф... – прошептал Стив, привлекая тем самым внимание Адриена. Молодой, тяжело дыша, смотрел отсутствующим взглядом на открытый гроб, не веря своим глазам. Внутри, не считая, конечно, песка и грязи, лежало тело; молодое, еще не искореженное времени, хоть и немного посиневшее и с впалыми щеками. Рабочий, обеспокоенный поведением товарищей, повернулся к могиле и наклонился, зажигая лампу. Ящик из криво сколоченных сосновых досок на первый взгляд не внушал беспокойства.

Проблема оказалась в том, что мужчины наткнулись на беременную женщину.

– Что случилось? – рывкнул Адриен водителю, спускаясь в яму. Он не обращал внимания на грязь и камни; он довольно грубо оттолкнул потрясенного юнца и присел на корточки, отрывая несколько оставшихся досок. Он увидел, что могила скрывала в себе гроб с телом молодой беременной женщины. Рабочий выругался себе под нос, сплюнул через плечо и снова начал что-то невнятно бормотать.

Как рабочий, работающий в порту с утра до ночи, у него был сильный характер и стальные нервы, но даже он был потрясен видом беременной, лежащей в могиле. Он не первый и, наверное, не последний раз вытаскивал и продавал трупы, но впервые столкнулся с таким случаем – крал трупы матерей, дочерей, однако никогда не смотрел на спокойное лицо беременной женщины на большом сроке.

Ее распухший живот скрывал в себе тело ребенка, готового выйти на свет.

Жизнь младенца закончилась раньше, чем началась.

Это была истинная трагедия и, наверняка, прямая причина внезапного срыва Боба. Адриен мимолетно посмотрел на бледного как бумага очкарика, который начал в панике вылезать из ямы, испачкавшись грязью и отчаянно хватаясь руками за землю. Грянул гром и небо прорезала молния, осветив кладбище на один удар сердца призрачной белизной.

– Боже! – крикнул юноша, падая на колени, и опустошая желудок, в котором доминировал алкоголь. Он перевернулся на спину, начал кашлять и дрожать всем телом, это был его первый раз; ему срочно нужны были деньги, и не было других возможностей заработать их.

Погруженный в мрачные мысли, он опустил очки и крепко сжал веки, позволяя холодному дождю хоть немного отрезвить и успокоить его. Он с трудом сдерживался, чтобы не разрыдаться.

– Откуда ты его взял? – раздраженно спросил Коллинз.

– Я думал, что он подойдет – ответил водитель. Он хотел ответить ехидно, но не вышло. – Я не становлюсь моложе, долго не протяну, а кто-то должен занять мое место, ты же знаешь, конкуренция не дремлет. – Он снова сплюнул и стал отодвигать доски и землю, чтобы можно было добраться до тела. Он взял женщину под руки, осторожно и почти нежно, затем начал поднимать ее из гроба.

Рабочий не медлил и уже через минуту ухватился за ноги покойницы, страхуя товарища, пока тот карабкался по мокрой стене земли, вылезая из ямы и волоча за собой тело. Никто не терял времени даром, они тут же тоже взялись за дело и принялись засыпать яму.

– Молодой! Шевели задницей и иди сюда!

– Господи, дай ему минутку – яростно бросил Стив, опираясь на лопату.

– Мне плевать, я не собираюсь делать всю работу в одиночку! – ответил не менее агрессивным тоном рабочий, бросая очередную порцию земли в свежее выкопанную могилу.

Очкарик еще несколько пронзительно долгих мгновений лежал без движения. Только после этого он неловко опустился на колени и потянулся за очками. Все еще стоя на коленях, он перекрестился дрожащей рукой и посмотрел на опытных грабителей.

– Я... кажется, я не могу... я не думал, что... Боже, эта вонь и... – повторил он слабым голосом, и слезы смешались с дождем, стекающим по лицу. Он поднял голову и бросил извиняющийся взгляд, пока наконец не увидел лицо покойницы. Это было для него слишком, он поднялся и все более быстрым шагом, поскальзываясь на грязи, стал удаляться.

– Эй, парень, вернись! – воскликнул водитель, предчувствуя худшее.

– Сука, блядь, кого ты взял?! – крикнул Адриен, отбрасывая лопату и бросаясь в погоню за запаниковавшим очкариком. Грабить могилы с телами не было делом легким или приятным, но такой паники никто не ожидал. Он быстро догнал паникера, с силой ударил его ладонью по лицу и уже собирался снова дать ему оплеуху, как юноша поднял ладони в безнадежном, покорном жесте. Адриен замер, готовая нанести удар рукой.

– Пожалуйста!

– Что пожалуйста?!

– Я просто... Я не могу, правда! Мистер Коллинз, пожалуйста!

– Из-за тебя, тупой сукин сын, мы теряем время и рискуем всем!

– Извините, мистер Коллинз!

– А мне плевать на твои извинения! Или берешь лопату и работаешь с нами, или ты сваливаешь в пикап и ждешь нас, а если куда-нибудь убежишь, помни, что я тебя найду. Я знаю, где пустые гробы. – процедил он, дернув молодого очкарика, и наконец, отпустив. Юноша пошатнулся и упал в грязь, где еще некоторое время лежал, парализованный страхом.

Наконец он кивнул головой и медленно двинулся обратно к разрытой могиле. Адриен, разозленный и усталый, вернулся к коллеге, и они закончили работу в – *no men omen* – гробовом настроении. Через несколько минут все было кончено. Если бы не притоптанная земля вокруг и бесчисленные следы, отпечатанные в мокром песке и грязи, никто бы, наверное, не заподозрил, что могилу разрыли.

Грабители ушли с этого неудачного места и, тяжело вздыхая, снова приступили к работе.

– Обязательно должны быть мужчина и женщина? Разве это не может быть просто какое-нибудь тело? И так нам уже пиздец, – тихо бросил Адриен, первым вогнав лопату в землю.

– Он платит нам за недавно умершего мужчину и умершую женщину – мрачно буркнул водитель, отбрасывая очередную лопату земли. Он тайком смотрел на очкарика, находящегося на грани нервного срыва. Угроза рослого портового рабочего не была пустословием; грабить могилы было не единственным, с чем приходилось иметь дело Адриену. Стив знал это, а юноша мог только догадываться.

Наконец лопата ударилась о доски очередного гроба.

Раз, второй. Третий.

И еще один раз. Дерево крышки застонало под натиском металлического лезвия, пока наконец не поддалось, проваливаясь внутрь – не было времени использовать лом, в ход пошла простая грубая сила. Разбойники тут же отреагировали, зная, чем это может закончиться и для них, и для тела. Адриен даже отпрыгнул назад: не сделай он этого, лопата могла бы врезаться в тело и повредить его, а этого никто не хотел. Профессор платил не за поврежденный товар, а за свежий. Хороший, целый, пригодный для экспериментов, или что он там делал.

Рабочий врезался спиной в грязную стену траншеи. Мокрая земля и грязь посыпались со всех сторон, и только это помогло юноше взбодриться и успокоиться. Он тяжело дышал, и сердце стучало у него в груди как одна из заводских машин. Очкарик тут же начал вылезать из ямы, не желая даже смотреть на тело.

– Мне нужно выпить – буркнул Адриен, глядя широко раскрытыми глазами на гроб и разбитые доски.

– Дело говоришь – подтвердил водитель, вытирая мокрый лоб. – Парень, пригодись хоть на что-нибудь и подай фляжку – громче бросил он очкарику. Дождь шел теперь волнами. Он не набирал и не терял сил, но тяготил.

Они дошли до гроба и позволили себе небольшой перерыв. Алкоголь в таких ситуациях помогал – подавлял страхи и беспокойство, обезболивал и окутывал тело и душу приятной пеленой безразличия. А копать и транспортировать тело можно было и вдвоем, хотя это и было сложнее. На помощь сопляка уже не приходилось рассчитывать; если бы он прикоснулся к телу, то наверняка потерял бы сознание.

Через некоторое время – они не собирались рисковать больше, чем было необходимо, – они вернулись к прерванной работе. Оторвали остальные доски от гроба, осмотрели тело взрослого, зрелого мужчины с бакенбардами и обменялись многозначительными взглядами.

Это был тот, за кого они с чистой совестью получают кучу денег.

– Тяжелый сукин сын, а я бы и не подумал! – рявкнул Адриен, укладывая труп на большой кусок брезента, без сомнения, украденный из порта. Стив с мастерством опытного могильщика закутал тело и на мгновение приложил четки к голове покойника, затем выпрямился и приложил ладони к спине. Было поздно, дождь не прекращался, но, по крайней мере, гроза прошла стороной. Далекие раскаты грома и молнии внушали оптимизм.

Это была единственная радость в эту проклятую ночь.

– Возвращаемся? – тихо спросил очкарик.

– Возвращаемся. Если ты кому-то что-то скажешь, сам окажешься в этой могиле – рявкнул рабочий, засыпая землю быстро, небрежно. Когда куча земли приняла более или менее правильные формы, он запыхтел и потянулся к телам. Он взвалил на плечо труп толстого и элегантно одетого мужчины с ловкостью, вызывающей мурашки по коже.

Труп беременной женщины достался остальным двоим. Водитель сплюнул в ладони и поднял завернутое в брезент тело, ожидая, что юноша сделает то же самое. Очкарик откашлялся, стоя под струнами весеннего дождя, и только через некоторое время подхватил тело. С отвращением, нарисованным на бледном лице, он зашаркал в сторону стены.